



И. М. ГРЕВС

**Из «studi danteschi»:
Первая глава трактата Данте «De Monarchia»**

(ОПЫТ СИНТЕТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ)

Исполнившееся в 1921 году шестисотлетие со времени смерти Данте вновь невольно приблизило к любимой работе над личностью и творчеством одного из величайших гениев человечества. Поднялась живая потребность углубить отдельные вопросы, составлявшие и раньше для меня предмет наиболее внимательного исследования около Данте, обобщить понятие о его мирозерцании, постараться достигнуть восстановления законченного образа его в своем воображении через долгую цепь веков, нас от него отделяющих. Непрерывающееся умножение и филиация до настоящего дня обширной литературы о Данте*, качественно содержательной и раскрывающей все новое и новое в нем и о нем, неопровержимо свидетельствует о бессмертном значении его в истории человеческой культуры. Шиллер сказал:

* Русская наука, отделенная от Запада преградой, которая воздвигнута войною в ее последствиями, лишена средств систематически ознакомиться даже по заглавиям с теми новинками по дантологии, которые порождены были в последние годы приблизившимся юбилеем. Можно указать мимоходом обширное сочинение — Konrad Falke, Dante, seine Zeit, sein Leben und seine Werke (München, 1922 г.). В книге 750 страниц, она представляет, как кажется, новый свод, должно быть, обобщает и новую библиографию.

«Кто жил для лучших в свое время, для всех времен тот словно жил»¹. Эта правда подтверждается мировой ролью Данте. Он не создал литературного направления, явился скорее великим завершителем или даже одиноким светилом, чем законоположителем новых путей. Однако, как мыслитель, он уже шесть столетий животворит дух всех, кто прикасается к нему, и так будет всегда. Такое влияние того, кто не основал новой ни литературной, ни философской школы, но оставил в наследье людям собственное нецененное сокровище, объясняется горевшим в нем и лучившимся от него могучим светом: то была огромная таившаяся в нем сила ощущения (видения) вселенной (космоса) и души человеческой; то было неповторимое совершенство искусства, каким он свою глубочайшую интуицию (провидение) и свою идею (истолкование), то, что испытал и открыл, сумел победоносно и вдохновенно воплотить в убедительном слове поэзии — истины. Только такую единственную властью гения мог Данте вызвать к себе веру и авторитет во множестве народов и поколений.

К Данте неудержимо научно влечется медиэвист. Данте открывает ему богатство «средневековой культуры»; он же научает его понимать мир во времени и аспекте вечности. Данте сближает средневековье с античностью и с новыми веками. Погружение в него единит специалистов, изучающих различные эпохи.

Всякого чуткого человека, подходящего к Данте, прежде всего, прельщает «Новая Жизнь», начало творчества, а потом он преклоняется пред «Божественной Комедией», громадным созданием конца жизни. Рядом с этим чудным цветком и этим непревзойденным колоссом мысли и поэзии туманятся и затериваются другие его произведения, не только такие специальные, как *De vulgari eloquentia* и *De Monarchia*, но и *Canzoniere* и *Convivio*². А меня, чем более я занимаюсь Данте, все больше притягивает, как предмет изучения, его латинский трактат «о монархии». Несмотря на наружную и внутреннюю устарелость — кто же теперь верит во всемирную империю как идеал будущего, кто придерживается схоластики как метода мышления! — «Монархия» Данте все же оказывается неисчерпанным источником плодотворной работы, не только исторической, но и теоретической: она полна неумиряющей свежести, глубокомыслия, даже остроумия, — и еще: она замечательно ярко отражает благородную, несметно богатую личность автора. Изучение *De Monarchia* рядом с «Бож. Ком.»

в тесной и взаимной связи, как они одновременно и создавались*, представляется мне еще не использованным мотивом для «*studi danteschi*», важным средством дальнейшего проникновения в историю дантовой души**.

В настоящем скромном этюде хочу остановиться только на одной страничке (буквально!) писательского завещания Данте, взятой из его «Монархии», и показать, каким она является прекрасным зеркалом этой его души, и как хорошо она освещает внутренние двигатели его дела. Речь идет о *самой первой главе* сочинения. Характер же этого вступления бросает свет на значительность всего замысла, и принятие такого толкования, быть может, побудит внимательнее взглянуться в текст, с первого взгляда, охлаждающий своею внешностью.

1

Как известно, сочинение Данте «о Монархии» распадается на три книги. В *первой* автор разбирает самую сущность или идею того государственного порядка, который он так называет, то есть, всемирной империи, чтобы показать необходимость ее для блага (*ad bene essere*) «человеческой культуры» (*civilitas humani generis*)***. Это — *принципиальная* часть, общая теория об идеальном государстве. — Во *второй* части доказывается тезис, что первый крупный опыт устройства такого порядка, который,

* Уже в 1914 г. в статье, посвященной вопросу о времени написания *De Monarchia* и представленной в виде приветия тому же давнему другу и чти-мому старшему собрату по работе к сорокалетию труда его жизни (см. сборник «Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи», СПб., 1914, стр. 355–385), я стремился отчасти показать такую тесную связь и необходимость параллельного исследования обоих произведений. Задача эта не может и теперь считаться разрешенною. Пусть мой опыт принесет камешек для постройки.

** В прекрасной работе Fritz Kern, *Humana Civilitas (Staat, Kirche und Kultur), eine Danteuntersuchung (Leipzig, 1913)*, автор ведет такое сравнение, но, мне кажется, чересчур сильно выдвигает различия и недостаточно подмечает созвучные черты.

*** Понятие это (*humana civilitas*) впервые выработано было римскою идеалистическою литературою времен империи, как я стараюсь показать в имеющемся скоро появиться первом томе моих «Очерков развития средневековой культуры». В вышеназванной книге Керн раскрывается это понятие, как оно строилось у Данте.

обеспечил бы «счастье человечества на земле» («beatitudo huius vitae». De Mon. — III, 16), был осуществлен римским народом во времена Августа, на чем опирается величие миссии Рима в судьбах человечества. Это — *историческая* часть, укрепляющая реализуемость (в глазах автора) строящегося идеала. — Наконец, в третьей части путем определения источника легитимации (санкции) верховной полноты императорской власти (она, утверждает автор, непосредственно истекает от бога) разрешаются контroversы об отношении ее к другим силам и учреждениям, правящим в мире, то есть, в особенности, обосновывается независимость ее от церкви и папства. Это — *современно-политическая* часть*.

Первая же глава первой книги составляет введение ко всем трем совершенно так же, как первая песня «Ада» является прелюдией ко всем трем *cantiche*³ «Бож. Ком.» и здесь в архитектонике замечается сходство между ними. — В этой первой главе тотчас же обнаруживаются два коренные свойства духовной природы Данте: его *религиозность*, вера в высшее, абсолютное начало, ведущее мир, и *принципиальность*, непобедимая идейность, высокое требование от жизни. Это бросается в глаза при чтении текста, который позволяю себе дать в переводе**.

«Всем людям, в которых высшая природа вложила любовь к истине, думаю, особенно важно и самим потрудиться для потомков, чтобы, как они были обогащены работою предков, так и потомство получило от них нечто, чем бы обогатилось. Поэтому, без сомнения, очень далек от исполнения своего долга тот, кто, вооруженный политическим опытом, не печется принести обществу хоть некоторую пользу. Ибо тогда он подобен не “дереву, что посажено при потоке вод и приносит плод во время свое” (Псалом I, ст. 3), но скорее погибельной пучине, всегда поглощающей и никогда поглощенное не изливающей обратно. Об этом я часто размышлял внутри себя и, дабы не навлечь когда-

* De Monarchia, I, 2. Традиция озаглавливают книгу восходит уже к Боккаччо. См. Vita di Dante, 16 (ed. Macri-Leone, p. 72).

** Как десять слишком лет назад, так и теперь вновь (в третий раз) анализ и интерпретация данного трактата служит сюжетом моего средневекового семинария в Петерб. университете, и мы задумали с учениками, прежними и нынешними, воспользоваться собранным материалом для издания комментированного текста De Monarchia с переводом на русский язык. Издание это мы подготовляем, и настоящий этюд представляет обработку предложенного мною комментария первой главы.

нибудь обвинения, что зарыл талант, хочу не только носить в себе семя, но и принести плод на общее благо и сообщить истины, не затронутые другим. В самом деле, какой бы плод принес тот, кто стал бы вновь выводить какое-нибудь предложение Евклида, кто пытался бы вторично раскрыть учение Аристотели о счастье⁵, или взял бы опять под свою защиту старость, уже защищенную Цицероном⁵? Разумеется, никакого! Наоборот, такое докучливое излишество скорее возбудило бы скуку. — Так как среди других, еще сокровенных, но полезных, истин наиболее полезнейшею и совершенно нераскрытою является природа светской монархии, и так как эта истина никем не испытывалась, ибо познание ее не связано было с непосредственною выгодною, то здесь и предполагается извлечь ее из тайника, в котором она сокрыта. Тем самым я и порадею для пользы мира, и первый обрету во славу свою награду за столь великое дерзание. Приступаю к делу трудному, превышающему силы; но уповаю не столько на собственные дарования, сколько на свет от Милостивца, “дающего всем обильно и без упреков” (Иак., 1, 5)*.

Приведенный текст построен скромно, движется спокойным, сдержанным ритмом, так что от верного взгляда ускользает дыша-

* Первое печатное издание трактата, данное Oporinus (Joh. Oporin), вышло в Базеле в 1559 г. Из изданий, которыми можно пользоваться, укажем P. Fraticelli. *Opere minori*, vol. II (8 ed. Firenze, 1906), G. Giuliani, *Opere latine* (vol. I. Firenze, 1878, с коммент.); лучшее — C. Witte (2 Aufl. Wien, 1871). Настоящего научно-критического текста «Монархии» еще нет: обещанное в «*Società dantesca italiana*» издание Franchetti, сколько мне известно, не появилось, может быть, вышло только в самые последние годы. Перед юбилеем напечатаны два новых издания — Moore (Oxford, 1916) и «*Dantis Aligherii de Monarchia libri III*», recensuit Ludovicus Bertalot (Friedrichshof in monte Tauno apud Francfortum, 1918) с критическим текстом в примечаниях. Из переводов «Монархии» можно указать старый итальянский Marsilio Ficino (помещен в изд. Fraticelli), немецкие — O. Hubatsch (Berlin, 1878) и C. Sauter (Freiburg in Breisgau, 1913). Главная литература о «Монархии» указана в моей статье в названном выше сборнике в честь сорокалетия работы И. И. Кареева. Ср. еще в приложении к переводу Sauter. Из после того появившихся вещей мне известны — Vento, *la filosofia politica di Dante nel De Monarchia, studiata in se stessa e in relazione alla pubblicistica medievale da S. Tomaso a Marsilio da Padova* (Torino, 1921); подробная рецензия Fr. Ercole в «*Giornale storico della letteratura italiana*», 1922, v. LXXX. E. Jordan, *Dante et la théorie romaine de l'empire* (в «*Nouv. revue historique de droit fr. et étr.*». 1921). F. Wiegand, *Dante und Heinrich VII* (Greifswald, 1921).

щее в нем внутреннее вдохновение и скрадывается напряженная содержательность. Но бдительный и пристальный анализ небольшого введения, особенно же синтетическое освоение покажет его большую оригинальность и насыщенность: Данте «Божественной Комедии» остается здесь верен себе, под каждым словом лежит многозначный смысл. А еще из этих немногих слов обнаруживается изумительная связь с целым рядом интимнейших стихий дантовой души: многие нити идут от них к самым дорогим элементам его мировоззрения. Все же вместе образует живой комплекс, замечательно характерный именно как отпечаток духовного образа великого автора.

Прежде всего, этот приступ к научно задуманному сочинению глубоко и мягко обвеян присущею Данте и никогда его не покидавшей религиозностью. Она пронизывала все существо Данте, не вступая в конфликт с тем, что можно назвать его твердою и радостною верою в науку. Обе веры — в Бога (в откровенную истину: *documenta spiritualia, quae humanam rationem transcendunt*⁶) и в знание (*philosophica documenta*⁷)* иерархически надстраиваются у него друг над другом и гармонически сочетаются, исполняя каждая свою особенную функцию, первая — абсолютную, вторая — относительную.

Так и здесь *Dei imago*⁸ (ср. *De Mon.* I, 8) встает перед нами и в начале короткой нашей главы, и в конце ее. В начале образ божий является, так сказать, онтологически, как «высшая природа» (*Natura Superior*), творящая человека. В конце к лицу божьему автор возвращается, подходя к нему этически, эмоционально, как бы обращаясь с молитвой, становясь под покров благодатной помощи.

2

Затем, еще другое общее начало, проникающее все мирозерцание Данте, также светится в рассматриваемом специальном тексте. Начало это — *любовь*. Она проходит через всю жизнь Данте, сообщая ей необычайное единство. Она рождается в юношеском его увлечении живою Беатриче, идеализированном в форме

* См. *De monarchia*, III, 16 (ed. Witte, p. 137). Указания на главы и строки делаются ниже по изд. Витте.

рыцарского, куртуазного культа (*Frauenminne*), проникнутом неповторимо-своеобразною чистотою и одухотворенностью. Она достигает полного раскрытия в высшем ее выражении, в любви к богу, *caritas* (*Gottesminne*)⁹, воплощенной в третьей части «священной поэмы». — Динамическою связью между таким «земным» началом и «небесным» завершением служит в творческой фантазии Данте преобразующийся лик Беатриче («благодатной», дарующей блаженство) из «дамы сердца», прекраснейшей и благороднейшей (*gentilissima*), в святую женщину (*donna angelicata*) и конечным образом в символ «Софии, премудрости божией», соединяющей творение с творцом.

Такая непрерывная линия развития любви (служение Беатриче, сливающееся с служением богу, блаженство земное, переходящее в небесное) в жизни единой личности Данте, знаменующей человечество, опять же символизирует его высшее убеждение, вынесенное из всего пережитого опыта, познания и веры, что любовь — есть верховное космическое начало, движущее вселенною*, и что Бог, в его основной сущности — есть любовь**.

«Новая Жизнь» — первое объединенное сочинение Данте, имеет предметом преобразование, «расчеловечение» (*trasumanamento*) Беатриче; «Бож. Ком.», завершительное его слово, открывает путь к «расчеловечению человечества» (*trasumanamento dell'umanità*), т. е. возвращению его к вечному благу***. «Монархия» относится к промежуточному моменту в истории души Данте и, стало быть, в история жизни человечества. Поэтому образ Беатриче (начальный: прекрасная, чистая женщина, и конечный: премудрость божия) в ней затушевывается. Но выступают промежуточные виды любви: любовь к познанию (*amor veritatis*), главное качество созерцательной жизни (*vita contemplativa*), и любовь к родине и человечеству (*amor patriae*

* Здесь вспоминается с необходимостью последний стих «Бож. Ком.» «*Parad. XXXIII, 145*»¹⁰.

L'amor che muove il sole e l'altre stelle.

Cfr. *Par. XXVIII, 43–45; 52.* — *Convivio, II, 4.*

** *Par ad. XXVII, 110–111, cfr. Ibid. VII, 142–144.*

*** См. слово *trasumanar* в *Parad. I, 70*. *Cp. Epist. X, 15: «Remove vivere in hac vita de statu miseriae et reducere eos ad statum felicitatis»*¹¹ (это цель *Бож. Ком.**).

et humani generis), главное благо жизни деятельной (*vita activa*), альтруизм и активный идеализм*.

Оба эти вида любви выдвигаются и в рассматриваемой первой главе «Монархии», в последних же ее словах заключительным аккордом звучит *caritas*, божья любовь.

*Amor veritatis*¹² раздается как главенствующее понятие, в самом первом предложении нашего текста и объявляется как коренное свойство человека, *всякого человека*; оттого автор и говорит здесь, что отступает от своего достоинства тот, кто оставляет этот дар божий в небрежении (ср. еще *Convivio*, I, 3). Вера в познание, любовь к органу ее, науке, показательна для всей личности Данте. Три момента в его жизни связаны с особенным напряжением этой благородной страсти: годы юношеского учения (школьного образования), годы после смерти Беатриче (1290–1295), когда он глубоко погрузился в философию**, и годы после изгнания (больше всего 1302–1310–1311 гг.), когда завершено было его научное мировоззрение усиленной и зрелой работой. Сосредоточение мысли Данте на деле познания прерывалось двумя острыми приливами политической, деятельности: то были годы перед изгнанием (1295–1302) и годы пребывания и борьбы Генриха VII в Италии (1310–1313). Наконец все пути нахождения правды слились в творчестве «Бож. Ком.», где человеческое (добытое разумом) объединяется с божеским (дарованным откровением) в один для автора величайший, согласованный синтез.

Время кульминации научного напряжения для Данте совпало с работой над *Convivio*: последние годы первого десятилетия XIV века. Он сам достиг тогда вершины своего знания и с особой си-

* Оба понятия различаются в *De Monarchia* I, 2; 3, с иерархическим предпочтением в этическом смысле первой — *vita contemplativa*. Ср. *Conviv.* IV, 17, 81; «*La contemplativa è ottima tuttochè buona è l'attiva*»¹³.

** Я стою на точке зрения «реалистов» по отношению к образу Беатриче, т. е. признаю ее действительно жившим лицом и именно дочерью соседа Данте, Фолько Портинари, — и лишь в позднейшем творчестве Данте принявшим символическое значение. См. литературу вопроса у Fr. X. Kraus. *Dante* (S. 205 ff.). Этот взгляд развит особенно полно у Isidoro del Lungo. *Beatrice nella vita e nella poesia* (Milano, 1891). У нас его убежденно защищал академик Александр Н. Веселовский в своих этюдах о Возрождении.

люю проповедывал людям погружение в науку*. Но и *De Monarchia* является результатом его штудий над теорией и историей государства, направленных к построению «идеального общественного строя». На такое научное значение предлагаемого трактата автор и указывает, начиная «Монархию», когда ссылается на то, что он «*publicis documentis imbutus*»**¹⁴.

Человек — такое существо, что пока он живет, *contemplatio* (или *speculatio*¹⁵ — которое Данте признает высшею формою жизни духа, — должно постоянно «актуироваться», воплощаться в дело. Такая актуация и есть назначение человека и человечества — выявить всю совокупность вложенной в человечество способности творческого познания, *intellectus possibilis*. Это же и есть цель человеческой культуры, *humana civilitas****. Но пробуждает и поддерживает такую работу *любовь* и именно *деятельная любовь к другим*. Коренится она в врожденном че-

* См. *Convivio*. I, 1. 5: «La scienza è l'ultima perfezione della nostra anima nella quale sta la nostra ultima felicità»¹⁶. — Оттого-то в человеке постоянно растет потребность знать. *Conv.* VI, 12, 100: «Nel acquisto della scienza... il desiderio (di quella) si dilata»¹⁷. Ср. *Ibid.* I. 1 (всю главу). Оттого и Аристотель для него великий авторитет: il maestro di color che sanno¹⁸ (*Inf.* IV, 131; *Conv.* VI, 2, 105). Третий трактат «Пира» — настоящий гимн науке. «Бож. Ком.» также дает богатый материал для раскрытия этого великого свойства Данте. Человек, «алчущий истины» (*desideroso di sapere*, *Purg.* XX, 146) — настоящий для него человек. Собирать многочисленные цитаты нет нужды: вопрос хорошо изучен. См. у Scheffer-Boichorst. *Aus Dantes Verbannung* (Strassburg, 1882. s. 16–18) и статью Finke, *Dante als Historiker* («*Hist. Zeitschrift*», Bd. 101, 1910, s. 467–498): *amor veritatis* вел Данте и к истории. Видимо, одно время вера в науку даже побеждала в Данте религиозность: Беатриче при встрече в «Чистилище» как будто упрекает его за это (*Purg.* XXX, 100–145); но затем в душу вернулась гармония, хотя у Данте наука (*philosophia*) никогда не чувствуется, как «*ancilla theologiae*»¹⁹. Каждая делает свое дело в судьбах человечества, и Вергилий, символ *sapientia umana*²⁰, является союзником и сотрудником Беатриче, представительницы *sapientia divina*, в руководительство духом Данте (человека): Вергилий — совершает, Беатриче — завершает.

** Нужно только понимать под *publica documenta* здесь всю совокупность «государственного опыта», полученного из книг, размышления, личной практики, наблюдаемого и пережитого, — только подвергнутого научной переработке.

*** Эти понятия — человеческая культура и творческое познание, как тесно связанные между собою отношениями цели (первое) и средства, источника и пути (второе), характерно для мировоззрения Данте.

ловеку *общественном инстинкте**, развивается в правильно устроенном общежитии и вырастает в твердую обязанность, *officium***, — приносить пользу согражданам («ad rempublicam aliquid adferre»), послужить потомству (posteris) так же, как сам обогатился от предков («ab antiquis»). Это прямо высказано в первой главе «Монархии», и это обнаруживает глубокое сознание духом Данте вечно живущей солидарности между поколениями, духовном преемстве между веками.

Такая альтруистическая любовь «virtus ad alterum», как автор говорит о порождаемой этой любовью (*caritas, recta dilectio*) справедливости (*iustitia****), — выражается, прежде всего, в кровной привязанности к родине. Данте высоко ставит чувство отечества, и оно ярко горело в его сердце: amor patriae также проходит глубокою бороздою через всю его жизнь, несмотря на оскорбление изгнания, которое поэт-гражданин претерпел от соотчичей. Оно проявлялось и в слове, и в деле. Данте, пока мог, активно нес свои гражданские обязанности, хотя, думаю, не любил политики. А когда жестокая родина извергла его из

* Convivio, IV, 4,7: «L'uomo naturalmente è compagnevole animale». — Положение это высказано определенно Аристотелем²¹ (ἄνθρωπος ζῶον πολιτικόν, Polit. I, 1). Бл. Августин также проводит эту теорию, и у Данте она является базой его общественной философии. Ср. Ibidem, IV, 4, 2: «La umana civiltà a uno fine è ordinata, cioè a vita felice; alla quale nullo per sè è sufficiente a venire senza l'ajuto d'altrui²²». — Ср. еще Conv. IV, 27, 2: «...Siccome Aristotile dice, l'uomo è animale civile, per chè a lui si richiede non pur a sè, ma ad altrui essere utile²³». Crf. Parad. VIII, 115–116. — Отсюда с необходимостью — ciascun uomo a ciascun uomo è naturalmente amico» (Conv. IV, 1, 41)²⁴, отсюда же образование общественных союзов, начиная от семьи, через «соседство»; город, королевство до всемирной империи (по классификации Данте), которая одна удовлетворяет потребностям всех людей и достигает конечного их благополучия (De Mon. I. 3; 5).

** Идея долга и специально по отношению к людям входят в основные понятия и постулаты практической философии Данте. Не даром сочинение Цицерона De officiis влияло на христианских писателей, св. Амвросия, блаженного Августина, Боэция — и через все средневековье на Данте. См. K. Vossler. Die göttliche Komödie, I, 243: «Dante ist ein Erzieher seines Volkes geworden... ein Mitarbeiter — Aufklärer... und Vorkämpfer»²⁵. — Цингарелли верно замечает, что все творчество Данте проникнуто тем, что он называет — «intento umano» — заботою о человечестве, мыслью о его благе. См. N. Zingarelli, Dante, p. 508.

*** См. De Monarchia I, 11.

своего лона*, он не переставал думать о ее благе, звать ее к очищению, к принятию вождя-избавителя, Генриха VII (*Epistula*, VI), в последние же годы жизни начертал, прежде всего, радея о ее будущем счастье, свою теорию лучшего государства.

Данте неразделен с Флоренцией (*la nobile patria!*)²⁶, соединен с нею вечным союзом нерасторжимого родства («*la carità del natio loco*», *Inf.* XIV, 1)²⁷. Любовь остается непреодоленной до последнего вздоха, даже когда его, негодующего на пороки граждан, на черную неблагодарность к нему, будто охватывают порывы горькой ненависти («*Dantes Alagherius florentinus, exul immeritus scelestissimis florentinis intrinsecus*», *Epist.* VI, *inscriptio*)²⁸, ясно чувствуешь, что она не убивает любви, звучащей то трогательной жалостью, то глубокою скорбью**. Именно в изгнании Данте говорит: «*In terris amoenior locus quam Florentia non existit*» (*De vulg. eloqui.* I, 6)²⁹. Любовь, верная и пламенная, прорывается из под гневной инвективы в знаменитом, сейчас указанном, письме 1311 года; она проникает и в самые мрачные обличения «Ада». Она неизменна в сыновнем сердце поэта-мученика: «Я так люблю Флоренцию, что за любовь переношу несправедливое изгнание» (*De vulg. el.* I. 6). Вдали от родины он нежно вспоминает добрый приют, укрывавший, как колыбель, его детство («*il bello ovile, ov'io dormii, agnello*», *Par.* XXV, 5)³⁰, прекрасный храм, где он получил крещение («*il mio bel S. Giovanni*». *Inf.* XIX, 17)³¹. Он мечтает, что ему еще суждено вернуться туда («*sovra il bel fiume d'Arno alla gran villa*», *Inf.* XXIII, 95)³², — и сограждане смоят позор, их запятнавший, — увенчав его поэтическим лавром именно в этом храме, где он младенцем очищен был от скверны первородного греха, в строго-красивом баптистерии:

Ritornereò poeta ed in sul fonte
Del mio battesimo prenderò il cappello³⁴ (*Par.* XXV, 8).

* *Conv.* I, 3: «Poichè in piacere de' cittadini della bellissima e famosissima figlia di Roma, Fiorenza, di gettarmi fuori del suo dolcissimo seno, nel quale nato e nudrito fui fino al colmo della mia vita, e nel quale, con buona pace di qualli, desidero con tutto il cuore di riposare l'animo stanco e terminare il tempo che mi è dato³⁴...»

** Можно вспомнить место из *Convivio* IV, 27, 71: «O misera, misera patria mia! quanta pietà mi stringe per te, qual volta leggo, qual volta scrivo cosa che a reggimento civile abbia rispetto³⁵».

Любовью к Флоренции волна и *канцона* XX («O patria degna, di trionfal fama»³⁶); в соупутствии с любовью шлет поэт свою песнь в родной город, закрывший ему свои врата, по которому он скорбит и плачет:

Poichè ti guida Amore,
Dentro la terra mia, cui doglio e piango³⁷.

И он зовет Флоренцию к братскому миру, ее, ставшую алчной волчицей:

Eleggi omai, se la fraterna pace
Fa più per te o'l star lupa rapace³⁹.

Вся Флоренция кишит воспоминаниями о нем: она же истолковывается тем, что он о ней говорил. Данте и Флоренция — это некое индивидуально-коллективное существо: думаю, никто в истории так тесно не сочетался с своей родиной, как он*.

Родина, однако, не составляет предела альтруистической любви Данте. Пройдя тяжкий опыт, достигнув полной зрелости ума и таланта, он чувствует себя гражданином мира; «Nos autem cui mundus est patria» (De vulg. el. 1, 6)³⁹, и любовь его простирается на все человечество**. Он ставит целью жизни побороть зло, достигнуть совершенства своей природы. Своею обязанностью он видит — помогать «сочеловекам» в этой великой работе и, в частности, на земле — трудиться для того, чтобы «riducere la gente (l'umanità) in diritta via sopra la propria conoscenza della verace nobiltà» (Conv. IV, 1, 62)⁴⁰. — *Nobiltà* — это, в широком смысле, il bene, la virtù⁴¹. Средою для этого должно быть правильное, законченное общежитие. Такая задача и руководит им, когда он хочет развить перед людьми, ищущими правды, свою теорию единства человечества под эгидою «идеальной» всемирной монархии, об-

* Марсильо Фичино (в предисловии к переводу «Монархии» Данте) верно говорит: «Можно с одинаковою справедливостью сказать — Дантова Флоренция или флорентийский Данте».

** Ср. Conv. IV. 27. 23: «...Si legge di Catone, che non a sè, ma alla patria e a tutto il mondo nato essere credea...»⁴² Лукан еще возглашал (Pharsalia, II, 283):

Nec sibi, sed toti genitum se credere mondo⁴³.

Данте был захвачен таким стоическим универсализмом.

раз которой ясно рисуется его воображению, как лучшая форма, воплощающая благоустроенное бытие.

Вот Данте и хочет не только познать истину для себя (*turgescere*), но и возвестить ее людям (*fructificare*)*. Чтобы этого достигнуть, надо открывать ближним то, что удалось открыть общепользующему самому, как до тех пор неизвестную истину — *intentatas veritates*. Таковую (*utilissima et maxime latans*) он объявляет именно предмет своего начинающегося трактата — *notitia temporalis monarchiae*. Сообщая ее, доказуя необходимость ее для блага людей, он оберегает себя от греха зарытия своего таланта в землю (*infossi talenti culpa*)⁴⁴.

3

Уже те элементы содержания первой главы *De monarchia*, которые выдвинуты были выше, дают богатый материал для синтеза духовного образа Данте, его *ragione, amore, intento* и *volentà*⁴⁵. Но сказанным нельзя расстаться с нею. В ее заключении раздается аккорд, по первому звуку будто диссонирующий, на самом деле, характерно объединяющий все целое и особенным образом, в самом конце, смягченный и примиренный в общую гармонию.

Автор, раскрывая побуждения, какие влекут его к выполнению предпринимаемого труда — осветить людям путь достижения правильного общественного строя, признает, что он движется не одним чувством долга («*ut utiliter mundo pervigilem*»), но и мечтает о *личной* славе («*ut palmam tanti bravii, primus in meam gloriam adipiscar*»)⁴⁶. Предмет заслуживал бы целого этюда. Здесь можно высказать лишь несколько соображений об этом вопросе, до сих пор мало привлекавшем внимание толкователей дантовой души.

Чувство славы надо признать важным свойством природы Данте и видным у него мотивом деятельности. Это должен сказать историк, и это не должно смущать почитателя. Чувство славы — начало эгоистическое; но таковое всегда присутствует в человеческой личности, особенным образом в крупной и сильной; только оценка

* Так и Беатриче в «*Раю*» говорит ему: узнай истину и возвести ее миру (*Purg.* XXXIII, 52–54). *Стр. Conv.* IV. 27. 18; «*Alla gioventù è data la perfezione e la maturità, acciòchè la dolcezza del suo frutto a sè e ad altrui sia profitabile*»⁴⁷.

его определяется качеством эгоизма в душе данного «героя» и из характера сочетания его с другими началами и свойствами.

У Данте образ славы, как стимул жизни, рождается, прежде всего, из могучести самой его природы в ее неудержимой активности: высоко *самосознание* гения, и он чувствует потребность признания своего величия (в виде, может быть, проверки собственного ощущения) *другими* людьми, на благо которых направлялась его работа. Пытался же он и, так сказать, получал смысл от нескольких идейных или эмоциональных источников либо традиций. Именно обоснованию *славолюбия* в душе Данте служили три стихии: 1) *римский* прецедент искания славы не только как наслаждения (самоудовлетворения героизма), но и почти как добродетели человека-гражданина; 2) *рыцарская* проповедь *чести* (*onore*), которая сливалась у Данте с ярко выраженным идеалистическим патриотизмом, а потом и универсализмом; 3) *христианская* религиозность Данте также не требовала отрицания этого мотива; он мог даже, наоборот, черпать и в ней особое переработанное его оправдание.

Исторически-традиционная и принципиально-сознательная связь Данте с римским прошлым, очень им ценимая*, и высокое определение ценности Рима и величия его миссии в истории человечества, усиливалась фактически самым образованием его, в котором сильны были классические (именно римские) элементы.

В частности, к идеализации славы вели его *цицероновские штудии*. Цицерон на вопрос, как жить? — отвечает: согласно природе (стоический принцип). Но природу человека он понимает не в ее инстинктивной первобытности, а в разумном совершенстве. К таковому его ведут четыре стремления — к познанию, к общежитию, к власти и славе и к гармонии. Каждым из них руководит соответствующая добродетель — мудрость, справедливость, мужество и умеренность (равновесие). Каждая в своей области диктует свои обязанности: особенно опасна третья, но тут помогают другие. Приводя все к единству разумом, можно

* Он гордился принадлежностью именно к римскому ядру флорентийцев. Inf. XV, 73 ss. Cfr. Leon. Bruni, Vita di Dante: «Dante si pretendea disceso dal seme romano e non dal fiesolano, da' quali insieme congiunti la cittadinanza fiorentina era nata»⁴⁸. — Cm. N. Zingarelli, Dante e Roma (Roma, 1895), p. 1–11. — A. Bassermann, Dantes Spuren in Italien, (München, 1899), S. 4. ff.

жить счастливо. Цицерон верит в счастливую жизнь и в возможность согласования ее с жизнью доброю и нравственною. Много благ в жизни; но главное — это ток симпатии, который связывает нас с ближними. Мы называем его *дружбою*, когда он струится от немногих, *славою*, когда он исходит от многих. *Дружба и слава* — высшие блага жизни. Но их следует отличать от лести и популярности. Истинная дружба и истинная слава имеют основанием добродетель, которая служит показателем обязанностей и дает торжество над врагами и над злом. Так добродетель довлеет себе для счастливой жизни*.

Цицерон написал два сочинения — *о дружбе* (Laelius, de amicitia) и о славе (de gloria)⁴⁹. Последнее не дошло до нас, но пользовалось влиянием на современников**. Данте, несомненно, много изучал Цицерона в школе и самостоятельно, и эта идея поддерживала его в собственном наслаждении благородною славою***. По отношению к славе Данте стремился, чтобы дружно действовали в его духе fortitudo при искании ее, temperantia при ограничении****.

Главный античный спутник Данте — *Вергилий* своею поэзиею не меньше должен был поддерживать в нем amor gloriae⁵⁰. Творчество его, как римского идеалиста, активно вдохновляется образом славы. Данте прямо рассказывает, как поэт — вождь и учитель — наставляет его благородным стремлением к славе побеждать лень, страх, апатию, привычку к изнеженному комфорту и т. д. (Inf. XXIV, 46–60). Беатриче сама подчеркивает

* Добродетель (fortitudo) дает и славу: «Gloria virtutem tamquam umbra sequitur» (Cic. Tusc. I, 109)⁵¹. Лучшая слава — вечная слава, которая знаменует и вечную жизнь.

** См. о практической философии Цицерона прекрасную схему проф. Ф. Ф. Зелинского в статье «Цицерон» в Энциклопедическом Словаре Брокгауза-Ефрона (1 изд. полут. 75). Ср. его же Th. Zielinsky, Cicero im Wandel der Jahrhunderte (2. Aufl. Leipzig, 1908).

*** Ф. Ф. Зелинский вряд ли прав, утверждая, что в средние века Цицерона забыли, и сочинениям его даже грозила гибель. На Данте, в частности, Цицерон оказал большое влияние. Convivio, II, 13; II, 16. См. K. Vossler, Die göttliche Komödie, I, 40 ff. Специально Edw. Moore, Studies in Dante, first series (Oxford, 1896), p. 258–273.

**** См. Conv. IV, 27, 98. — Тут цитата из De officiis Цицерона (I, 14, 48).

славу величайшего римского поэта*. Этим мотивом полна вся VI песнь «Энеиды», где отец Энея в подземном мире предсказывает последнему судьбу его потомков и вместе с тем «fata»⁵² Рима**. И Цицерон приглашает, чтобы чувство славы воодушевлялось справедливостью (*iustitia*), ведя человека к тому, что является *decorum* и *honestum*⁵³. Звуками *жажды славы* (или тоски по славе) полно у Данте загробное царство (особенно «Ад»): многие горят им, и он теоретически этого не осуждает.

О *рыцарском* элементе «чести» (а значит, и «славы») — *ideale cavalleresco*⁵⁴ — у Данте достаточно, в настоящей связи, сказать несколько слов. Несомненно, Данте напитан был с юности традициями рыцарства (*costumi signorili*). В это понятие входили для него не только простейшие, присущие ему начала — храбрость (*corraggio*) и верность (*fedele*), т. е. воинская сторона рыцарства (*miles* — благородный воин). Его рыцарственность не есть также только переработанная христианским идеализмом воинская честь, направленная церковью на защиту слабых и угнетенных. Это целый сложный тип культуры, основанной на идее полноты развития личности, внешнего и внутреннего (*cortesia*, как древняя

* Спустившись в предверье Ада, Беатриче обращается к нему со следующими словами (Inf. II, 58):

O anima cortese mautovana,
Di cui la fama ancor nel mondo dura,
E durerà quando il mondo lontana⁵⁵.

И она, призывая Вергилия оказать помощь Данте в его странствии по мирным, обещает прославить его перед престолом Господним (Ibid. II, 73):

Quando sarò dinanzi al signor mio,
Di te mi loderò sovente a lui⁵⁵.

** Verg. Aen. VI, 813:

Vincet amor patriae laudumque immensa cupido⁵⁷.

Ibidem, 756:

Nunc age, Dardanium prolem quae deinde sequatur
Gloria, qui maneat Itala de gente nepotes,
Illustres animas nostrumque in nomen ituras,
Expeditam dictis, et te tua fata docebo⁵⁸.

Ibid. 888:

Quae postquam Anchises natum per singula duxit,
Incenditque animum famae venientis amore⁵⁹.

Наконец приведем предсказание особой славы Рима (V. 851):

Tu regere imperio populos, Romane, memento:
Haec tibi erunt artes, pacique imponere morem
Parcere subiectis et debellare superbos⁶⁰.

καλοκαγαθία, идейное и бытовое «джентльменство»: *gentilezza*). Сюда входит богатый мир понятий и свойств: аристократическая гордость и красивая обстановка житейского обихода, прелесть жизни в формах и содержании, празднества и блестящие развлечения, образованность и доблесть, искусство, музыка и пение, для Данте особенно поэзия, высокая поэзия культа возвышенной любви, блага и красоты (*il dolce stil nuovo*⁶¹). Рыцарство — это элегантные собрания, остроумие и смелость, светская любезность, изящные манеры и тонкая речь, честолюбие и самоотвержение, все — облагороженное (*nobiltà, cor gentil*⁶²) чувством славы и стремлением к совершенству. Честный, знаменитый дом, прекрасная дама, родина, церковь, мадонна, святой патрон, царящий над миром бог. Служение искусству, обществу и религии поэтическим талантом, достижение триумфа в состязании духовных подвигов вождей, — выше всего венец гения.

Такой двигатель — одухотворенная рыцарственность, славное дело на земле — очень силен был в духе Данте*. Он служит как бы соединительным звеном между первым и третьим видами стремления к славе, которые были показаны выше. Его же действие (*actuatio*) должно было особенно напрягаться при создании такого труда, как *De monarchia*. — Мотив *gloria* не отрицался и *христианством*, несмотря на то, что оно выдвинуло в своем идеале *смирение*. Он допускался в христианстве не только как понятие награды за добрую жизнь на небесах, но и как почести святых на земле**, даже гордость проповедников при сознании успеха их дела***.

* «Славный муж» для него притягательный образ. Даже «благородная дама», которой он служит, является для него (в *Vita Nuova*) — «questa gloriosissima»⁶³ (это — эпитет Беатриче — *passim*). Для него реален и образ «славного народа»: «*populus ille gloriosus*» (i. e. *Romani*)⁶⁴ в *De Mon.* II, 5, 26.

** Интересно, что веру и жизнь св. Франциска Ассизского Данте называет *gloria*. См. *Par.* XI, 95—96. И Беатриче именуется — «*la luce e gloria dell'umana gente*» (*Purg.* XXXIII, 115)⁶⁵. В средневековой агиографической литературе еще со времен Григория Турского практикуются выражения как *in gloria martyrum, confessorum*⁶⁶.

*** См. известное место из посл. ап. Павла к фессалоникийцам, 2, 19 (привожу по латыни, как читал Данте): «*Quae est enim nostra (учителей, пастырей) spes aut gaudium, aut corona gloriae? Nonne a vos (учеников) ante Domimum nostrum Iesum Christum in adventu Eius? Vos enim estis gloria nostra et gaudium*»⁶⁷. — Пелагий подчеркивает это (в толковании данного текста): «*Boni magistri omnem spem et gaudium et gloriam solent collocari in profectu discipulorum*»⁶⁸.

Слава — высшее достижение души, оказавшейся способною стать праведной. *Gloria* служит обозначением райского блаженства (*summa beatitudo*)*. Самый рай именуется *gloria*** . *Gloria* — это и все совершенство бога***. Специально для того направления в христианской мысли, которое опиралось на идею *свободной* воли и требование подвига, *заслуги*, понятие *райской славы*, как высшего воздаяния на небе за человеческую работу на земле, естественным образом выдвигается вперед. Такого взгляда определенно и убежденно держался Данте****. Принцип свободы составляет один из столпов, утверждающих дантов идеал нормального общежития, и им одушевляется трактат «о монархии» (I, 12, 25): «Principium hoc totius libertatis nostrae est maximum donum humanae naturae a Deo collatum»*****⁶⁹.

В том течении христианского богословия, к которому в конце своего поприща примкнул бл. Августин, и которое отвергает свободу воли, идея и чувство славы туманится, даже осуждается^{6*}. Привязанность к ней — великий грех, так же, как надежда на свои силы: человек немощен и беспомощен, он всего должен ждать от благодати свыше^{7*}. Но в *пелагианстве* тогда же образ

* Parad. XIX, 13 (это — слова орла, — хора блаженных духов, символа миродержавства):

Per esser giusto e pio
 Son io qui esaltato a quella gloria
 Che non si lascia vincere a disio⁷⁰.

** Par. XXIII, 139: «Colui (S. Pietro) che tien le chiavi di tal gloria⁷¹». Теснейшим образом *gloria* — это l'empireo⁷² (Par. XI, 96).

*** Par. I, 1: XXXI, 5; XXXIII, 71. — Отсюда «gloria in excelsis»⁷³ (Purg. XX, 136).

**** Par. XXV, 67:

Speme, diss'io, è uno attender certo
 Della gloria futura, il quale produce
 Grazia divina e precedente merto⁷⁴.

***** Ср. совершенно тождественное место в Par, V, 19 ss., на которое Данте здесь и ссылается. У Данте теория свободы воли развита очень полно (см. главное место в Purg. XVI), и это составляет до сих пор недостаточно использованный сюжет дантологии. Труд и заслуга при вспомоществующей силе благодати божьей: такое сочетание звучит уже в образе *gloria* разбираемой нами главы.

^{6*} Так видим в Confessiones бл. Августина, особенно в книгах II и X.

^{7*} Про Августина верно сказал Гастон Буассье, что он как бы раздавлен благодатью («*térrassé par la grâce*», *La fin du paganisme*, I, 376).

«подвига-славы» вновь просиял, как вдохновляющий стимул*. Пелагий даже сочувствует соревнованию в славе друг с другом. У Данте не встречаем такого призыва к состязанию за небесную славу на земле: достижение ее он чувствует соборным делом человечества. Это — дело трудное, но он уповает на способность человечества такой подвиг совершить. В работе же для других здесь он даже рвется идти впереди при достижении «пальмы первенства», но в том только, что ему удалось открыть, как лучшее благо для всех.

Идея христианской славы увенчивает и санкционирует дантову активность, укрепляя энергию подвига. Он сам предается труду для вечного блага и воодушевляет к нему «сочеловеков». Вскоре в людях так называемого чистого ренессанса загорится опять новая, особая жажда славы. Но ее идеал, чисто эгоистический, хоть и блестящий, не будет созвучен Дантову *amor gloriae*.

Помимо таких, можно сказать, объективных, извне воспринятых, но глубоко сросшихся с ним оснований для признания стремления к славе допустимым и честным, дозволенным и достойным жизненным побуждением, — в Данте жили еще индивидуальные (субъективные) мотивы для «славоискания». — Один может быть назван вполне нормальным, вытекавшим из высоко понимавшегося им долга благородства (*alta, verace nobiltà*⁷⁵)* перед человечеством, предками, современниками и потомками, о котором уже говорилось. Оно же приводило к высокой оценке земной деятельности, которая у него не противопоставлялась стремлению к небесному отечеству, а сливалась с ним: служить миру — это предверие служению Богу. Заслуга здесь — важный элемент выполнения жизненной обязанности, а стало быть, серьезная и законная сфера искания удовлетворения в почетной оценке окружающих (это — один из устоев этики отношений между личностью и обществом).

Другой личный источник потребности у Данте человеческой славы болезненно таился в обостренном чувстве горя и обиды, вызванном оскорблением несправедливого изгнания (*exilium*

* У Пелагея (*Epistola ad Demetriadem*, 14) стремление к славе подвига называется *agon* и борьба за победу в таком состязании именуется — «*bravium victoriae*»⁷⁶ (*ibidem*).

** Четвертый трактат *Convivio* представляет такую переработанную христианскую философию теории моральной чести.

immeritum): это была реакция на незаслуженное унижение*. Данте то угнетался сознанием своей выброшенности, с отчаянием восклицал, что родина не берет его назад, позорно обвиняет невинного**; то проникался гневом и ненавистью к обидчикам и звал на них громы небесные и земные***; то возвышался в духе именно честью своих страданий за убеждение****. Тут он и ищет вознаграждения в приобретении славы, которая оплатит за унижение, унизит в свою очередь оскорбителей*****.

Вот различные пути, по которым пробирается в сложную, строгую и высокую душу Данте эмоция славы («lo gran disio dell'eccelesza», *Purg.* XI, 86⁷⁷), и он получает в ней важным стимул жизнедеятельности. Но слава, о которой он мечтает, всегда благородна: она влечется к благу, к совершенству, духовному и общественному подвигу для других^{6*}; она воплощается в ожидании поэтического венца (*il desiderio della laurea*⁷⁸), которым должна приветствовать его и искупить себя вред ним в стенах святого баптистерия кровно оскорбившая его родина (*Par.* XXV, 1):

Se mai continga che il poema sacro,
Al quale a posto mano e cielo e terra
Si che m'ha fatto più anni macro.
Vinca la crudeltà che fuor mi serra
Del bello ovil ov'io dormii agnello.
Nimico ai lupi che gli danno guerra,

* См. известное место в *Parad.* XVII, 58–66. Ср. указание у Leon. Bruni в биографии Данте на его исчезнувшее письмо, начинавшееся словами: «Popule mee, quid feci tibi»⁷⁹. — См. о вероятной подлинности у Zingarelli, Dante, 205–207; cfr. 117; 206.

** *Conv.* I, 3; 11 ss. *Ibid.* IV, 27, 71 ss. Cfr. *De vulg.* el. I, 6 (здесь он старается найти утешение).

*** См. три письма его во время похода Генриха VII.

**** Он гордится своим одиночеством, когда он сам за себя против всех (*parte per se stesso*, *Par.* XVII, 69).

***** *Canzone*, XIX: для него почетно изгнание, ибо родина вместе с ним изгнала добродетели. Ср. *De vulg.* el. II, 6: «...eiecta maxima parte florum de sinu tuo, Florentia»⁸⁰. — *Ibidem*, I, 17: «Quantum vero suos familiares (idioma illustre) gloriosos efficiat, nos ipsi novimus, qui huius dulcedine gloriae nostrum exilium postergamus»⁸¹. — Данте, прославившись выше господ и сильных мира, как писатель, может презирать бедствия изгнания. Брунетто Латвии, в видении Ада, предсказывает ему славу. *Inf.*, XV, 55–60, 70–72, 82–85.

^{6*} Тщеславие он строго осуждает. См. *Conv.* I, 11, 6: «Cupidità di vana gloria»⁸². Ср. *Purg.* XI, 91 ss.

Con altra voce omai, con altro vello
Ritornereò poeta; ed il sul fonte
Del mio battesimo prendero il cappello⁸³.

Gloria, fama, onore, nоminanza!⁸⁴ Данте проникнут *гордостью*, фигура его величаво противостояит злобе, которую осыпают его низкие люди, отвечает неукротимым презрением на преследования — *alma sdegnosa* (Inf. VII, 44)⁸⁵. Биографы отмечают такое свойство его души*, и сам он в «Чистилище» очищает грех вместе с гордецами**. Но гордость Данте — это твердость перед несчастьем, это — долг несокрушимый, как скала; это — огромное чувство достоинства***. Здесь нет самонадеянного вызова судьбе. Здесь — стойкость героя. И предок Данте Каччагуида, встретившись с ним в «Раю» (XVII, 121–142), благословляет его на смелую защиту истины (il corraggio della verità⁸⁶). Такое славолюбие можно признать не за *vizio*, а за *virtù*; это не *debolezza*, а *forza*****⁸⁷.

4

Но Данте не предавался ни радости, ни мукам славы. Как он покаялся в своей гордыне перед лицом Бога, так он и в *De monarchia* (тут же в первой главе), отдав дань славолюбию, тотчас же смиряет горделивый порыв: он рассчитывает не на свои силы,

* Boccaccio, Vita di D. 8 (ed. M. Leone, p. 45–47). Cp. Giov. Villani. IX 136: «Questo Dante... fu alquanto presuntuoso e schifo e isdegnoso»...⁸⁸ Также Filippo Villani, Vita Dantis: «Fuit altissimi animi et infracti et qui abominaretur pusillanimes... Fuit tamen... avidissimus aerae popularis, cupidusque gloriae et honoris»⁸⁹. — Gianozzo Manetti, Vita Dantis: «Arrogans aliquantulum fuisse perhibetur»⁹⁰.

** Purgat. XIII, 130–138. Ctr. Ibid. XII, 97 ss.

*** В этом смысле очень интересно письмо Данте (9-е) — *amico fiorentino*⁹¹, если оно подлинно, как я полагаю. См. убедительную защиту его подлинности у N. Zingarelli, Dante, p. 290–301, против отрицания ее у Scartazzini, Dante — Handbuch, p. 359–361. — Данте здесь с негодованием отказывается от предлагавшихся ему унижительных условий амнистии и возвращения во Флоренцию из изгнания: «Est ne ista revocatio gloriosa, qua Dantes Allagerius revocatur ad patriam?.. Non est haec via redeundi ad patriam... sed si alia... invenietur, quae famae Dantis atque honori non deroget, illam non lentis passibus acceptabo. Quod si per nullam talem Florentiam introitur, nunquam Florentiam inroibo»⁹².

**** Данте такой славы уже достиг среди современников, тем более среди близких потомков. Zingarelli, p. 347–348; 352–353.

а на милость и помощь божию: «*Arduum quippe opus et ultra vires aggredior, non tam de propria virtute confidens, quam de lumine Largiteris illius, qui dat omnibus affluenter et non impropere*» (Epist. Jacob. I, 5)⁹³. — Это гармонизирующий заключительный аккорд, созвучный моральной строгости автора к себе, — в возвышенном, полном глубокого внутреннего пафоса *exordium*'е серьезного научного сочинения, которое являлось важным элементом в наследии великого поэта-мыслителя потомству всех грядущих веков.

Так *gloria* у Данте, собственно, не переходит в *superbia*; она смягчается голосом *humilitas*^{*94}, которая, однако, не падает до жалкой беспомощности; между ними устанавливается равновесие: временное и относительное начало человеческого разума ищет руководства абсолютного начала, благодати божества: *gloria humana* склоняется к *gratia divina*⁹⁵.

Вслед за напряженно-содержательным введением — (хотелось бы надеяться, что это мне удалось показать!) — развертывается в первой книге «Монархии» с твердою логическою последовательностью, согреваемою и оживляемою чуткою поэтической интуициею, сильная и яркая, органически крепко сцепляющаяся гирлянда основных понятий, из которых у Данте строится сложный образ идеального государства: творческое познание (*intellectus possibilis*), человеческая культура (*humana civilitas*) и цель человечества, мир (*pax*), единство (*unitas*), любовь (*amor*)^{**}, правосудие-справедливость (*iustitia*), свобода (*libertas*). Такой истинный порядок (*ordo*), как высшее земное благо (*bonum*), Данте

* Чувство смирения в любви было замечательно свойственно Данте еще в *Vita Nuova* (см. с. III: «*E chi allora m'avesse addimandato di cosa alcuna, la mia risponzione sarebbe stata solamente: Amore, con visto vestito d'umiltà*»⁹⁶. — Образы «смирения» великолепно рисуются в «Чистилище» (*Purg. X*). Чувствуется, что живая струя кроткого францисканства смягчала и грела суровую душу Данте (ср. *Par. XI*).

** В главе, специально посвященной любви (*De Mon. 1, 9*), Данте вспоминает трехстишие Боэция (*De consolatione philosophiae, II, metr. 8*), который в этом смысле являлся одним из созвучных ему учителей:

O felix hominum genus,
Si vestros animos amor,
Quo coelum regitur, regat⁹⁷.

Способность к такой любви, направленной на всех, Данте считает присущей праведному монарху (*De Mon. I, 11; 12*), прислушающемуся к голосу мудрецов (*Ibid. III, 16*).

упоает найти в праведном всемирном монархе, слуге человечества («*monarcha, qui minister omnium habendus est*»⁹⁸, *De mon.* 1, 12, 56) и чуждом корысти (*cupiditas*), полным любви к людям (*caritas, recta dilectio*) и способном осуществить общее благоустройство (*optima mundi dispositio*). Самая значительность идей и принципиальных понятий, сгущенных в рассмотренном введении, обуславливает интенсивность динамики при разворачивании всей первой (важнейшей) теоретической части сочинения, в которой показываются, так сказать, вечные начала, строящие философию идеального государства.

Заключительная глава (XVI) первой книги образует как бы мост между теоретической и исторической частью трактата. Основной мотив первой части — показать необходимость всемирной монархии доводами разума (*rationibus demonstrare*); главная цель второй — обнаружить фактически, что идеал был уже раз осуществлен в прошлом римской империей, с которой преемственно должна связаться христианская монархия будущего: и вот уже последняя глава первой книги напоминает ту *experientia memorabilis*⁹⁹, когда единство мира реализовалось ко благу его в державе Августа: общее благоденствие мира тогда опытно (эмпирически) подтверждает умозрительно (рационалистически) выведенную истину.

Здесь же произносится известное предварение основного предмета третьей части трактата, что монархия (царство) так же непосредственно истекает от бога, как церковь (папство). Это можно увидеть в том, что символ *tunica inconsutilis* (несшитый хитон), который в средневековой терминологии применялся к церкви, здесь приложен к монархии.

Наконец, в самых последних словах первой книги великий автор отдает дань своей эмоциональной природе. Он не только ученый, он убежденный идеалист мировой политики, он страстный местный патриот, он строгий моралист и вдохновенный поэт. Дивинация художественного гения позволяет ему открывать новые перспективы, которые, может быть, остались бы закрыты перед глазом только последователя философии Аристотеля и догматики Фомы Аквината. Схоластика находит в Данте преобразующего гения: полетом свободной фантазии он побеждает ее школьные рамки. — Он заканчивает сложное рассуждение, стоившее большого усилия мысли, горячим лирическим финалом на тему о противоречиях окружающей

действительности, когда человечество разрывается на части (*in diverse conatur*), превращаясь в «*bellua multarum caritum*»¹⁰⁰, начертанному идеалу. Он призывает людей очнуться от зла в конечном возгласе словами псалмопевца: «*Ecce quam bonum et quam iucundum habitare, fratres, in unum*»¹⁰¹. Он верит, что можно достигнуть того, «*ut in areola ista mortalium libere et cum pace vivatur*» (*De Mon.* III, 16, 62)¹⁰².

